

— Поэтому давай, больше не дрожи, маленькая Яо.

На лице Цзян Ханьюй по-прежнему играла мягкая улыбка, но в её глазах таилось нечто недоброе.

Услышав эти слова, Цинь Сяояо словно по условному рефлексу вмиг перестала дрожать, и даже всхлипывания застряли у неё в горле — она насильно их подавила.

Лишь глаза оставались опухшими и красными, да и кончик носа тоже покраснел. Всем своим видом она изображала напускное спокойствие, будучи донельзя послушной.

Цзян Ханьюй, похоже, осталась крайне довольна и легко погладила её по голове.

После чего неторопливо перевела взгляд на Шэнь Циньюэ, которая всё это время молча наблюдала за ними из противоположной каменной кельи.

— Старшая сестра Шэнь, — её тон казался непринужденным, но нёс в себе невидимое давление. — Вы, кажется... проявляете к маленькой Яо исключительную заботу?

Выражение лица Шэнь Циньюэ оставалось спокойным, она не ответила на вопрос с ходу, лишь суставы пальцев, сжимавших Талисман, слегка побелели.

Она знала, что Цзян Ханьюй испытывает её, провоцирует.

Сердце Цинь Сяояо в тот же миг подскочило к самому горлу!

Ей с таким трудом удалось ценой унижения и демонстрации собственной слабости — почти равной самоуничтожению — отвлечь внимание Цзян Ханьюй от Шэнь Циньюэ, так пусть же та не вздумает говорить ничего такого, что могло бы вновь раззадорить Цзян Ханьюй!

Она украдкой бросила на Шэнь Циньюэ умоляющий взгляд, в котором читалось мольбой: «Умоляю тебя, ничего не говори, не вмешивайся».

Шэнь Циньюэ, разумеется, заметила этот полный мольбы взгляд, от которого Цинь Сяояо была готова расплакаться.

Помолчав мгновение, она позволила бурлившей в её холодных глазах сложной гамме чувств наконец утихнуть.

Она медленно закрыла глаза, а когда открыла их вновь, в них уже вернулась прежняя отстраненность.

— Я была излишне болтлива, — голос Шэнь Цинъюэ не выражал никаких эмоций. — И всё же надеюсь, Цзян... то есть вы, не станете переносить свой гнев на остальных ни в чём не повинных сородичей по секте.

В конце концов она решила отступить, по крайней мере на словах.

Она видела, как Цинь Сяояо отчаянно пыталась её защитить; прояви она сама еще хоть каплю жесткости, это могло бы навредить и самой девушке, и другим плененным адептам.

Услышав это, Цзян Ханьюй тихонько рассмеялась, и в её смехе не было и теплицы скрыть неприкрытое торжество и насмешку.

— Ха-а~ Старшая сестра Шэнь, ну зачем же выставлять меня такой злодейкой? С чего бы мне быть той... кто станет срывать злость на невиновных?

Говоря это, она с ласковой привычкой притянула Цинь Сяояо за плечи, полубняла её и, наклонившись, спросила:

— Ведь правда, маленькая Яо?

От столь внезапной близости Цинь Сяояо оцепенела всем телом, но не смела сопротивляться и могла лишь отчаянно кивать, точно цыплёнок, клюющий зёрна.

Её голос всё ещё дрожал, не успев прийти в норму:

— Да, да... Сяо Юй так не поступит...

— Вот видишь, даже маленькая Яо так говорит. — Цзян Ханьюй довольная улыбнулась, а затем, взяв Цинь Сяояо за руку, подняла её с ледяного каменного ложа. — Пойдём, маленькая Яо. Это место холодное и сырое, тебе здесь не подходит находиться.

— Хорошо, хорошо...

Поднимаясь, Цинь Сяояо одновременно убрала гуцинь с пола в Пространственное Кольцо.

Заметив, что Цзян Ханьюй действительно собирается увести Цинь Сяояо, Шэнь Цинъюэ инстинктивно попыталась встать и преградить им путь.

Она не знала, куда Цзян Ханьюй хочет увести Цинь Сяояо и что собирается с ней сделать.

Хотя поведение Цинь Сяояо только что, казалось, временно умиротворило Цзян Ханьюй, её

помыслы были слишком непредсказуемыми, и никто не мог поручиться, что произойдет в следующее мгновение.

Почувствовав движение Шэнь Циньюэ, Цинь Сяояо тревожно сжала сердце.

Она торопливо обернулась, легко покачала головой в сторону Шэнь Циньюэ и беззвучно, одними губами, произнесла:

— Ничего не случится. Помни то, о чём я говорила тебе раньше.

Протянутая рука Шэнь Циньюэ в конце концов медленно опустилась назад.

Она смотрела, как Цзян Ханьюй ведет Цинь Сяояо за руку, шаг за шагом удаляясь из темницы.

Однако тяжелое чувство тревоги в её сердце никуда не исчезло.

Цинь Сяояо...

Сама того не зная, она вдруг прокрутила в памяти множество обрывков воспоминаний —

Цинь Сяояо, всегда сияющая лучезарной улыбкой и изредка подкидывающая ей подсказки о тайных землях.

И та девушка, что некогда играла веселые мелодии на Великом состязании секты, казавшаяся незапятнанной мирской пылью.

Та, что боялась до смерти, но всё равно упорно делала вид, что спокойна, лишь бы защитить других...

Она посмотрела вслед удаляющейся Цинь Сяояо, чей хрупкий силуэт наконец растаял в полумраке поворота коридора.

Сама того не заметив, она сжала ладонь так сильно, что от Талисмана остались легкие вмятины.

Ведомая Цзян Ханьюй, Цинь Сяояо покинула мрачную и давящую зону Небесной тюрьмы, миновала руины, всё еще источавшие слабый запах крови и гари.

Наконец они вышли к уединенному внутреннему дворику в тихом уголке задней горы.

Дворцовые ворота отворились, и открывшаяся картина заставила Цинь Сяояо слегка замереть.

Дворик был небольшим, но ухоженным и невероятно изящным.

Извилистые дорожки были вымощены голубым камнем, а по обеим сторонам аккуратно подстрижены цветы и травы.

Но больше всего привлекали внимание пышные кусты белоснежных, словно снег, гардений!

Цинь Сяояо помнила это место: прежде оно должно было быть глухим задним двором, где сваливали всякий хлам, и уж точно здесь не было никаких цветов, а особенно... гардений.

Эти цветы она любила больше всего и в прошлой своей жизни, и в этой.

Неужели... их посадили только что?

— Ну как? Красиво, маленькая Яо?

Цзян Ханьюй стояла за её спиной, мягко положив руки ей на плечи, а её подбородок почти касался макушки девушки, и голос её звучал нежно.

Вечерний ветерок пронесся над землей, принес с собой аромат гардений, смешанный со знакомым прохладным благоуханием самой Цзян Ханьюй.

Окажись они в прежних временах, эта картина и этот цветочный запах привели бы её в восторг, она бы непременно ухватилась за Цзян Ханьюй и затараторила без умолку.

Но сейчас...

— Очень красиво... — тихо ответила Цинь Сяояо, однако в её тоне не было слышно радости — лишь истощенная покорность.

Сколь прекрасными ни были бы цветы, распустившиеся на земле, орошенной кровью собратьев по секте, у неё не осталось сил ими любоваться.

В нынешних обстоятельствах у неё уже не было настроения погружаться в ароматы цветов и любоваться пейзажами.

Страх, сомнения, боль предательства и переживания за судьбы бесчисленных собратьев давили на её сердце тяжким грузом.

Заметив её рассеянность, Цзян Ханьюй чуть сильнее сжала пальцы на её плечах.

В этот момент во дворе были только они вдвоем, лунный свет струился холодом, а аромат цветов застыл в тишине.

Цинь Сяояо глубоко вздохнула и, собравшись с величайшим за всю свою жизнь мужеством, медленно повернулась.

Подняв голову, она заглянула в глубокие, необычайно темные глаза Цзян Ханьюй.

И задала тот самый вопрос, что терзал её с самой кровавой ночи:

— Сяо Юй... — её голос слегка осип от напряжения. — Разве Секта Юйцин действительно... настолько заслуживает смерти?

Она пристально вглядывалась в лицо Цзян Ханьюй, не упуская ни единого малейшего изменения выражения.

Ей хотелось узнать, почему та, кем она была прежде, стала столь холодной и жестокой, что превратила тысячи жизней в солому.

Еще больше ей хотелось узнать: чего стоили её собственные старания на протяжении последних десятилетий, это теплое участие и безоговорочное доверие?

Неужели всё было именно так, как она и подозревала — с самого начала являлось лишь обманом?

Хотя... хотя она ведь так старалась предотвратить её трагедию, почему же... всё всё равно обернулось вот так?

Нарочито беззаботное выражение лица Цзян Ханьюй в тот же миг помрачнело, стоило ей услышать этот вопрос.

Её брови слегка сошлись на переносице, напускная мягкость исчезла из глаз без следа, сменившись раздражением.

Она отняла руки с плеч Цинь Сяояо и отступила на полшага назад; солнечный свет вытянул её тень, накрыв ею Цинь Сяояо.

— Маленькая Яо, — её голос звучал по-прежнему мягко, но в нем отчетливо проступило недовольство. — Мы наконец-то остались вдвоем, вокруг цветут эти сады, которые я вырастила для тебя... неужели ты хочешь говорить со мной только об этом?

Она слегка склонила голову, и в её прекрасных глазах отразилось бледное, встревоженное лицо Цинь Сяояо, а в тоне проскользнуло разочарование.

— Или же в твоём сердце те, кто уже мертв... важнее меня, живой, стоящей перед тобой?

<http://bllate.org/book/19487/1910270>